

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 2, pp. 182–197, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-182-197

МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 327, 397

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-182-197

История баргутского противостояния на северо-востоке Китая (начало XX в.): этнополитические и религиозные аспекты (по архивным материалам)

Баир Цыремпилович Гомбоев¹, Эдуард Владимирович Батунаев²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-3484-5311. E-mail: bargute[at]mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, научный сотрудник

 0000-0001-6641-4124. E-mail: batunaevduard[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Гомбоев Б. Ц., Батунаев Э. В., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена изучению истории противостояния баргутов в Маньчжурии в контексте исторических событий в Китае. На территории Барги, что на северо-востоке Китая, социально-политическая ситуация в начале XX в. была сложной, что было вызвано внутривнутриполитическими процессами разделения власти (включавшими противостояние этнических групп, борьбу за сохранение традиционных видов природопользования) и внешними влияниями (Россия, Китай и Япония). В этих условиях правительства России, Японии и власти Китая с учетом возникавших политических и международных ситуаций методично отстаивали свои интересы в регионе. Народы Барги, в частности баргуты, больше всех ратовавшие за суверенитет, оказались в сложной ситуации. *Цель* статьи — рассмотреть исторические события 1900–1921 гг. в Барге через призму становления баргутского народа («старых» и «новых» баргутов), через сложные политические ситуации в условиях иноэтнического окружения и в контексте влияния интересов иностранных государств (Китай, России, Японии, Монголии). *Материалы и методы.* В работе применялись сравнительно-исторический метод, позволивший проанализировать основные этапы истории противостояния баргутов в Маньчжурии в контексте исторических событий в Китае с учетом этнополитических и религиозных аспектов. Использованы также методы интервьюирования и экспертного опроса. На основе архивных материалов из Архива внешней политики Российской империи, полевых исследований, достижений современной отечественной и зарубежной историографии рассматриваются

проблемные вопросы развития этнической группы баргутов северо-востока Китая в определенный исторический период (1900–1921 гг.). *Результаты.* Изучение новых архивных данных и полевых материалов позволили провести анализ специфики национально-освободительной борьбы в регионе в контексте противостояния баргутов за суверенитет.

Ключевые слова: северо-восток Китая, народы Барги, Маньчжурия, старые и новые баргуты, этнополитическая ситуация, экономические интересы, религиозные аспекты

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания: проекты «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона» (номер госрегистрации:121031000259-6), «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства» (номер госрегистрации:121031000241-1).

Для цитирования: Гомбоев Б. Ц., Батунаев Э. В. История баргутского противостояния на северо-востоке Китая (начало XX в.): этнополитическая ситуация и религиозные аспекты // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 2. С. 182–197. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-182-197

The History of the Bargut Confrontation in Northeastern China (early 20th century): Ethno-Political and Religious Aspects (based on archival materials)

Bair Ts. Gomboev¹, Eduard V. Batunaev²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Leading Research Associate
 0000-0003-3484-5311. E-mail: bargute[at]mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Research Associate
 0000-0001-6641-4124. E-mail: batunaeveduard[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Gomboev B. Ts., Batunaev E. V., 2024

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of the history of the confrontation of the Barguts in Manchuria in the context of historical events in China. On the territory of Barga, in northeastern China, the socio-political situation at the beginning of the 20th century was difficult, caused not only by internal political processes of sharing power (confrontation of ethnic groups, preservation of traditional types of nature management), the struggle for resources, but also by external influences for domination and dominance in northeast East Asia (Russia, China and Japan). Under these conditions, the governments of Russia, Japan and the Chinese authorities, taking into account emerging political and international situations, methodically defended their interests in the region. The most affected were the peoples of Barga, in particular, the Barguts, who most advocated sovereignty. The *purpose of the article* is a comprehensive study of the political situation and ethno cultural aspects to identify the features of the formation of the Bargut ethnic group in the period from 1900 to 1921. *Materials and methods.* The research methodology is based on comparative historical, historical-genetic, historical-dynamic, retrospective methods, and interviewing methods, which made it possible to most fully analyze the main stages and patterns of the history of the Bargut confrontation in Manchuria in the context of historical events in China, taking into account ethno political and

religious aspects. Based on archival materials from the AVPRI, field research, and the achievements of modern domestic and foreign historiography, problematic and key issues regarding a specific ethnic group of the Barguts of northeast China in a certain historical period (1900–1921) are considered. *Results.* The identification of the ethnic history of the Barguts of northeastern China and the introduction of new archival materials made it possible to identify the features of the national liberation struggle for the sovereignty of the Bargut ethnic group and the search for ways to achieve goals.

Keywords: North-East of China, peoples of Bargi, Manchuria, old and new barguts, ethno-political situation, economic interests, religious aspects

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the state task (projects “Ethnocultural identity in the architectonics of folklore and literary texts of the peoples of the Baikal region”, No. 121031000259-6, “Historical space of the Mongolian world: archaeological cultures, societies and states”, No. 121031000241-1).

For citation: Gomboev B.Ts., Batunaev E. V. The History of the Bargut Confrontation in Northeastern China (early 20th century): Ethno-Political and Religious Aspects. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(2): 182–197. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-182-197

1. Введение

Революционные события, имевшие место на Востоке в начале XX в., стали катализаторами масштабных тектонических сдвигов во всем внутриазиатском пространстве. Процесс «пробуждения Азии» привел к небывалому подъему национально-освободительного движения, росту национального самосознания малых народов в борьбе за независимость, поиску путей самостоятельного развития. Синьхайская революция 1911 г. в Китае всколыхнула окраинные территории, дала мощный импульс и стала поворотным моментом в национальном самоопределении монголоязычных народов. В 1911 г. Внешняя Монголия провозгласила независимость и создание государства в форме теократической монархии во главе с духовным лидером Богдо-гэгэном, который обратился ко всем монголоязычным народам с призывом о вхождении вновь созданное Монгольское государство. На этот призыв буддийского иерарха и главы Монгольского государства откликнулись многие монголоязычные народы Внутренней Монголии (монголы, баргуты, дауры и т. д.), ранее входившие в состав Цинской империи. Важно отметить, что исторически территории проживания этих народов находились в приграничной полосе и представляли собой «буферную зону» между Россией и Цинской империей. Регион Хулун-Буира (Барги) входил в орбиту экономического, военного и культурного влияния России. При этом Россия добилась от цинского правительства постройки китайского участка транссибирской железной дороги, пролегающего по территории Маньчжурии и Внутренней Монголии, с полосой отчуждения в 200 верст, и представляющего важный форпост дальнейшего проникновения в данный регион. В начале XX в. с ослаблением Цинского государства этот регион превратился в арену острого соперничества между Россией и Японией. Столкновение интересов этих государств в богатом природными ресурсами регионе Внутренней Монголии привело к русско-японской войне 1905–1907 гг. Раздел сфер влияния между Россией и Японией был достигнут в ходе подписания серии договоров (в 1907, 1910, 1912 гг.). Народы Барги волею судьбы оказались в «большой игре» великих держав. Потеря традиционного уклада народов Барги и колониальная политика китайских властей привели к национально-освободительному движению (Баргутское восстание 1912 г., Баргинское восстание 1928 г.).

Научная литература о Барге, Маньчжурии, о северо-востоке Автономного района Внутренняя Монголия (далее — АРВМ) КНР довольно обширна. Сложные вопросы политического противостояния рассмотрены в ряде фундаментальных трудов [Shirokogorov 1935; Lattimore 1962; Janhunen 1996; Белов 1999; Atwood 2004; Тубшинима 2008; Хамфри 2010; Гольман 2014; Мягмарсамбуу 2018; Кузьмин 2021; Кузьмин 2022; Зориктуев 2011; Цыбенев 2022; Батбаяр 2023]. Определенный интерес также представляют работы по китайско-тибетским отношениям [Кычанов, Мельниченко 2005], по историографии монгольской революции [Батунаев, Гомбоев 2021].

В данной статье предпринята попытка рассмотреть исторические события через призму становления баргутского народа («старых» и «новых» баргутов), через сложные политические ситуации в условиях иноэтнического окружения и в контексте влияния интересов иностранных государств (Китая, России, Японии, Монголии).

В начале XX в., как отмечает, вслед за В. А. Кормазовым, Б. Р. Зориктуев [Баргуты 2021: 5]¹, население Барги состояло из следующих народов и племенных структур: старо-баргуты, ново-баргуты, дагуры (дахуры), солоны, олёты, орочены, русские и китайцы.

Вся Маньчжурия оказалась в гуще важных исторических событий, причем задолго до монгольской революции 1921 г.

2. Материалы и методы исследования

В статье использованы отдельные архивные материалы из Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), хранящиеся в фондах «Миссия в Пекине» (1906–1911 гг.), «Консульство в Хайларе» (1917–1919 гг.). Архивные материалы позволили показать социально-политическую ситуацию, связанную с баргутскими этническими группами (старые и новые баргуты²), проанализировать данные, характеризующие политическую и этнорелигиозную составляющую. Привлекались сведения российских и зарубежных авторов по рассматриваемой тематике. В основу статьи также легли полевые материалы одного из авторов, собранные в Хулунбуире (АРВМ КНР), в Дорнодском аймаке (Восточная Монголия), в Утайшане (пров. Шанси, КНР)³. В работе применялись историко-сравнительный метод, а также методы интервьюирования и экспертного опроса для анализа этнорелигиозной ситуации в рассматриваемом регионе.

3. Исторический экскурс

В историографии устоялось мнение о взаимосвязи этнонима «барга / баргу» с этнонимом байырку, известным с древнетюркского времени [Баргуты 2021: 25]. Так, по мнению С. Л. Кузьмина, начиная с V–IX вв. н. э. вплоть до появления русских казаков (XVII в.) баргу / байырку находились в орбите тюркского влияния и монгольской империи [Кузьмин 2021: 16–17]. До сих пор ученые не могут

¹ Б. Р. Зориктуев ссылается на карту В. А. Кормазова «Кочевая Барга (население, религии, легенды, занятия)», опубликованную в журнале «Вестник Маньчжурии (Manchuria Monitor)» за 1928 г. в № 8 (Харбин: Тип. Кит. Вост. жел. дор. С. 50–59).

² В литературе также встречается обозначение старобаргуты и новобаргуты.

³ В статье использованы полевые материалы Б. Ц. Гомбоева (КНР: Хайлар, 2010 г., Утайшань, 2019 г.; Монголия, Дорнодский аймак: сомон Гурбан Загал, 2019 г., сомон Хулунбуир, 2023 г.).

прийти к единому мнению. Мы придерживаемся мнения, что баргуты имеют в основе своей протомонгольский генезис, а тюркский субстрат носил характер этнокультурного влияния.

Новая и Старая Барга были разделены на «правое» и «левое» крылья. Во главе стоял ухэрида (угурда) — правитель, имевший право дзасака, который подчинялся главе Барги — амбаню (цинскому резиденту). Ко времени провозглашения независимости (1912 г.) было пять правителей, управлявших в Старой Барге одним хошуном олетов, двумя хошунами чипчинов, двумя хошунами солонов; в Новой Барге — восемью монгольско-бурятскими хошунами [Кузьмин 2021: 19]¹.

Согласно архивным данным (донесение от 18 октября 1918 г.), старобаргуты решили выделиться в особое крыло. До тех пор они входили в солонское крыло (гала / хала), из 12 рот которого пять было старобаргутских и семь — солонских, причем в солонских ротах все должности занимали дауры, и при решении дел, касавшихся крыла, дауры имели перевес, несмотря на то, что в пяти баргутских хошунах населения было в пять раз больше, чем в солонских. В упомянутом донесении отмечено, что «на днях» состоялся баргутский съезд в 60 верстах от Хайлара, без участия дауров [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 76].

На территории Барги, что на северо-востоке Китая, социально-политическая ситуация в начале XX в. была сложной, вызванной не только внутривластными процессами разделения власти. В этих условиях правительства России, Японии власти Китая с учетом возникавших политических и международных ситуаций методично отстаивали свои интересы в регионе².

В архивных документах имеются материалы о монгольском вопросе, касающиеся как маньчжурской династии, так и монгольских знаменных групп. Так, в одном из документов читаем: «мы видим, что политическая уния Монголии с прочими частями Небесной империи создавалась на принципе личного соединения этих государств, согласно актам избрания манджурского императора в ханы Монголии, и основывается исключительно на общности, правящей в этих государствах манджурской династии. Ярким подтверждением признания самим верховным правительством Небесной империи этого принципа служит то, что одновременно с существованием самостоятельной Монголии в составе Небесной империи имеются монгольские области, которые присоединены к империи совершенно на иных началах, и наряду с княжеской удельной Монголией существуют области знаменных монгол, которые, как, например, завоеванное княжество Чахарское, Барга и др., являются уже интегральной частью Небесной империи» [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 308. Л. 98(30)].

¹ В 2010 г. автор посетил культовое место амбана (*амбайн овоо*), где было сооружено ровно 12 мини-овоо по 4 сторонам света (по три в каждом направлении), а в центре находилось главное объединяющее сакральное сооружение — 13-е по счету. В начале XXI в. информанты говорили, что на сакральном месте «Амбайн овоо» мини-овоо по четырем направлениям делится следующим образом: 3 — старые баргуты, 3 — новые баргуты, 3 — солонны, 3 — эвенки [ПМА: Инф. 1].

² Согласно «китайско-российскому секретному договору» (1896 г.), был урегулирован вопрос о строительстве железной дороги от Сибири через Маньчжурию до Владивостока через гг. Читу, Хайлар, Хара-мурэн и Гирин. По мнению Г. Тубшинимы, Российская империя посредством этой дороги захватила северо-восточные земли, велась разработки в угольных шахтах и на золотых приисках, проводилось строительство домов, вырубали лес, имелись случаи разорения хозяйств скотоводов. В Хулунбуир стали прибывать русские не только с целью охраны железной дороги, пришлое население принесло баргутам много проблем [Тубшинима 2008: 158].

С. Л. Кузьмин приводит древнее название баргутов, отмечая значения этнонима *байырку* (*баргу* ‘добыча’; *барга* ‘грубый, неотесанный’), указывая на то, что в китайских документах империи Тан упоминалось название «ба-е-гу», империи Юань — баэргу чжэнь (люди Барги) [Кузьмин 2021: 16]. Вместе с тем он дает трактовку по распределению баргутов на старых и новых: «в 1734–1735 гг. 2 400 баргутов Цэцэнхановского аймака возвращаются в Хулунбуир. Часть из них (150 семей) все же остаются на востоке Монголии. Вернувшиеся были родственными баргутам хори-бурятами. Они и стали называться новыми баргутами (монг. *шинэ барга*) и образовали 8 хошунов Новой Барги к востоку от хошунов солонов и старых баргутов. Старыми баргутами (монг. *хуучин барга*) или чипчинами стали называть тех баргутов, которые в свое время приняли маньчжурское подданство и, вернувшись из района Цицикара, были поселены на запад вдоль Большого Хингана в степи Хулунбуира как часть солонских (даурских и эвенкийских) хошунов и не уходили из Барги. Их местопребывание стали называть Старая Барга. Кроме того, в Баргу переселились монголы-олёты (выходцы из Западной Монголии) и орочены для охраны границы с Россией [Кузьмин 2021: 18].

4. Этнополитическая ситуация в регионе

В начале XX в. в окраинных частях Цинской империи, в Барге и Внешней Монголии, начался мощный подъем национально-освободительного движения, который стал ответом на колониционную политику со стороны цинской администрации. По мнению Е. А. Белова, 1911–1919 гг. стали важным периодом и поворотным моментом в истории национально-освободительной борьбы монгольских народов и предвестником революционных событий в Азии [Белов 1999: 4]. Политическая элита Внешней Монголии в лице духовного лидера Богдо-гэгэна, князей и высших лам в декабре 1911 г. провозгласила независимость и объявила о создании Монгольского государства [Белов 1999: 64]. На призыв главы теократического Монгольского государства Богдо-гэгэга о присоединении к единому Монгольскому государству откликнулись монголоязычные народы Внутренней Монголии и Барги. Видные князья и ламы Барги и Внутренней Монголии: Токтохо, Манлайбаатар Дамдинсурэн, Удай, Хатан-Батаар Магсаржав — приняли участие в национально-освободительном движении монгольских народов [Белов 1999: 95]. Многие из них позже стали крупными политическими и военными деятелями в Монгольском государстве. Почти подавляющее большинство хошунов Внутренней Монголии и Барги изъявило желание присоединиться к единому Монгольскому государству [Мягмарсамбуу 2018: 58, 71].

События, происшедшие на территории Внешней Монголии, оказали огромное влияние на национально-освободительное движение монгольского народа в других районах Китая. Уже в январе 1912 г. вспыхнуло восстание в Барге. Восставшие захватили главный город Барги — Хайлар. Наместник цинского правительства был изгнан, и в Ургу была направлена делегация с посланием, в котором выражалась желание присоединиться к независимому монгольскому государству [Автономный район 1980: 18].

На съезде баргинских чиновников в апреле 1914 г. выступил командир полка Гуйфу, который призывал жителей Хулунбуирского округа признать власть китайского правительства [Кузьмин 2022: 75]. Однако присутствовавшие на

собрании баргуты единогласно заявили о нежелательности признания властей Китая [Кузьмин 2022: 75].

Тяжелая ситуация сложилась у автохтонного населения Барги. Были пострадавшие от «харачинцев¹». Согласно архивным данным (по донесению от 30 сентября 1917 г.), новые баргуты подвергались постепенным грабёжам и вынуждены были откочевать в сторону Хингана и границ России. Старые баргуты из-за того, что все еще оставались на родных землях, отчасти испытали те же самые проблемы [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 23]. По нашему мнению, все это создавало определенные импульсы и ответные реакции коренного населения. И они искали возможные пути решения проблем, в том числе на трансграничном пространстве у соплеменников.

В последующем происходило множество столкновений, которые имели переменные успехи². Тем не менее контроль монгольских повстанцев над значительной частью Барги, включая ее столицу, не привел к независимости от Китая монгольских земель к востоку от Халхи. Невозможность адекватного снабжения в Барге повстанческих отрядов или их мирного возвращения на родину, либо перехода на китайскую службу вела к масштабным грабёжам населения, которым подвергалась не только Барга, но и часть также Внешней и Внутренней Монголии. Нехватка ресурсов и отсутствие существенной внешней поддержки привели к их изгнанию из Барги сравнительно небольшими российскими и баргинскими силами [Кузьмин 2021: 207].

Что касается иностранцев, согласно донесениям, «те земли заселены японцами, русскими, англичанами, американцами, и иностранцы живут там смешанно с китайскими подданными. При таком племенном разнообразии там еще много монгольских аймаков, среди которых новые и старые баргуты, орочоны, дахуры, наймань-халха, буряты и прочие. Все народы с грубыми нравами с дикими помыслами, не понимающие, что ко вреду, что к пользе, смотрящие на людей одного с ними подданства, как на своих врагов и опирающиеся на чужестранцев, как на защитный талисман» [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 42].

5. Геополитические интересы и борьба за природные ресурсы Барги

Территория Барги в целом славилась природными ресурсами, а для их разработки и освоения ее богатств требовались большие вложения.

В архивных источниках встречаются многочисленные описания богатого края. Так, представители русского дипломатического корпуса писали по этому поводу о нераспаханных землях, имевших хороший состав почвы, о перспективах ведения рыбного промысла, о горных богатствах (золото, серебро, медь, свинец и т. д.) и угольных копях [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 42(4)]. Данные месторождения и богатства притягивали как японских, так и русских предпринимателей, однако разработкам мешали суровые условия жизни, обусловленные окружающей природой (густой лес, хищные животные, отсутствие дорог). К наиболее богатым ресурсам относили лес, рыбу, богатые залежи золотых и серебряных приисков, крупный рогатый скот и т. д. Все это могло способствовать сбору налогов и пошлин, развитию края [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 48].

¹ Харачины — один из монгольских народов, основная территория расселения — АРВМ КНР.

² Подробнее см. в работе С. Л. Кузьмина [Кузьмин 2021: 193–207].

Судя по отчету есаула Г. М. Семенова от 1 ноября 1917 г., в пределы Барги перекочевало большое количество забайкальского населения (более 3 000 чел.) в связи отсутствием благоприятных условий у себя на родине [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 50]. По сообщению вице-консула Н. А. Кудашева в Айгуне, где говорилось об обращении супруги американского консула г-жи Мозер, согласно которому в Барге имелись нуждавшиеся и с территорий России (например, из Благовещенска), которым могли помочь и представители американского Красного Креста [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 227].

Для решения данной проблемы вопросы были адресованы Генеральному консульству. Ставился вопрос об обеспечении бурят всем необходимым. На первое время понадобится снабжение юртами и теплой одеждой 8 000 бурят, бежавших из Забайкалья без скота и имущества, что обойдется приблизительно в 1 млн руб. [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 227].

Британский антрополог К. Хамфри в своей работе также отмечает, что буряты начали откочевывать в Монголию и Китай с первых же дней революции и гражданской войны, иногда основательно подготовившись, иногда убегая в спешном порядке [Хамфри 2010: 71].

По мнению Б. Д. Цыбенкова, в целях обретения общей независимости с Внешней Монголией выдвигались многие политические фигуры, в том числе среди дауров и баргутов (Цэндэ, Минбу, Линшэн, Мэрсэ, Фуминтай), выражавшие готовность к радикальным переменам, вплоть до обретения подлинной независимости и суверенитета Хулун-Буира [Цыбенков 2022: 137].

Учитывая сложность общей ситуации, многие представители народов Барги, в частности руководители этнических групп, прибегали к совершенно разным и рискованным действиям.

Вместе с тем особую роль продолжала играть японская дипломатия. В донесении русские послы упоминали о японской ориентации среди бурятских руководящих деятелей [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 70]. К тому же японцы рекомендовали бурятам объединиться с Внешней Монголией, чтобы образовать более сильную государственную единицу, и указывали при этом, что буряты, как «более культурная нация», могут занять первенствующее положение в этом монгольском государстве [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 72].

Что касается китайских властей, то они столкнулись с определенными трудностями на северных рубежах с Россией. Территория Северной Маньчжурии вдоль Китайско-Восточной железной дороги была заселена русскими поселенцами, которые были не заинтересованы в китайской колонизации. Более того, Россия выступала за сохранение статуса-кво в решении «баргинского вопроса». Согласно русско-японским секретным договорам (1907 г., 1912 г.), территория Северной Маньчжурии оставалась в сфере влияния России.

Б. Д. Цыбенков, специалист в области истории дауров, солидарен с позицией японского исследователя К. Танака относительно вопроса суверенитета Монголии. В данном случае ни Россия, ни Китайская республика не были заинтересованы в предоставлении полного суверенитета и создания единого Монгольского государства, включающих все исконные земли монгольских народов. Свою этнорегиональную политику в Барге проводило правительство Внешней Монголии, которое заключалось в обмене делегаций. Со стороны Хулун-Буира во главе делегации в Ургу был отправлен даур Линшэн. По сведениям С. Л. Кузьмина,

Линшэн вел переговоры с вице-консулом в Хайларе П. К. Усатым на предмет сохранения в Барге прежнего административного устройства, существовавшего при цинской администрации [Цыбенев 2022: 144].

Баргинцы искали различные варианты объединения монгольских групп, в том числе при поддержке Японии, которое создаст защиту от китайской колонизации. Усиливавшиеся китайские притязания на Баргу и нескрываемое стремление цинцкарских провинциальных властей уничтожить баргинскую автономию заставили баргинцев более внимательно отнестись к японскому проекту и ускорили процесс объединения монголов. Согласно донесениям от 3 марта 1919 г., на съезде из представителей Внешней и Внутренней Монголии, Барги, Забайкальской области будет обсуждаться вопрос о создании единого Монгольского государства, в дальнейшем которое подпишет договор с Японией [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 73–74].

В документах отражены некоторые моменты, указывающие на содействие со стороны русских. Н. А. Кудашев, например, отписывается вице-консулу П. К. Усатому о восстановлении престижа в глазах местного населения и усиления влияния в управлении Баргой [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 20, 34].

Несмотря на противодействие различных сторон в Барге, окончательное решение по вопросам принято не было. Тем не менее китайская сторона предприняла меры для защиты своих интересов. Согласно донесению П. К. Усатого, китайское правительство приняло решение отменить то особое положение, в котором находилась Барга в силу русско-китайского соглашения от 1915 г. [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 227–228].

Правительство Юань Шикая попыталось подавить с помощью империалистических держав национальное освободительное движение монгольского народа, созвав в г. Кяхте тройственную конференцию для подтверждения русско-китайской декларации 1915 г. При этом делегации имели при себе готовые проекты предложений:

- китайская сторона прибыла с твердым намерением низвести суверенитет монгольского государства до уровня провинции Китая;
- царская Россия отстаивала идею широкой автономии для Внешней Монголии с признанием суверенитета Китая и совершенно не затрагивала вопроса о судьбе Внутренней Монголии;
- монгольская делегация настойчиво добивалась признания и полной государственной независимости Монголии, как Внешней, так и Внутренней.

В итоге монгольская делегация была вынуждена принять решение о широкой автономии Внешней Монголии, к которому позже присоединился и Китай. Внутренняя Монголия не получила никаких автономных прав [Автономный район 1980: 22].

Ж. Содномсэрэн отмечает, что в начале XX в. монголы, собрав все силы, изгнали из Кобдо последнего из маньчжурских амбаней, господствовавших на протяжении 220 лет. В войне за западные территории прославились многие баргутские воины во главе с Ж. Дамдинсурэном, бесстрашно боровшиеся за независимость своего государства. Некоторые из них за волю к победе получили титулы от правительства Богдо-гэгэна. Так, Ж. Дамдинсурэн был удостоен титула Манлай-баатар, Доржпалам — Зоригт-баатар, Пунцаг — Шаламгай-баатар, Гэлэнгунжид — Хавтай-баатар, Сэргэлэн — Идтэй-баатар [Баргуты 2016: 15–16].

28 января 1920 г. был опубликован декрет президента Китая об упразднении особого статуса Барги, что стало прямым следствием упразднения автономии Внешней Монголии и было проведено по сходному сценарию. С. Л. Кузьмин считает, что сложившаяся ситуация в Барге стала результатом революционных событий и гражданской войны в России и в целом ослабления влияния последней в регионе. В этих условиях Барга в результате лавирования между различными политическими силами и группировками пыталась сохранить статус-кво, но реальное положение дел не позволило ей сохранить прежнее административное устройство [Кузьмин 2021: 273, 275].

В результате Синьхайской революции и крушения Цинской империи на огромном азиатском пространстве произошли глубинные тектонические сдвиги, направленные на определения национального самоопределения, в процесс которого были вовлечены многочисленные монгольские народы Внешней и Внутренней Монголии и Барги. На протяжении долгого времени единые народы в этническом и культурном отношении оказались разделены между различными государствами, стали объектом колонизации, источником сырья, рынком сбыта, борьбой за сферы влияния. В условиях подъема национального-освободительного и антиколониального движения народов Востока, сопряженного борьбой за сферы влияния политических игроков в рассматриваемом регионе, монгольские народы искали свой путь создания объединенного Монгольского государства. В результате лавирования и опорой на различные силы пытались реализовать свой «исторический шанс» в достижении независимости и образовании единого Монгольского государства [Батунаев, Гомбоев 2021: 284–285].

6. Этнорелигиозные аспекты в истории региона

Как известно, баргуты-шаманисты в народной традиции обожествляют небо и землю, особо поклоняются огню, духу-хозяину домашнего очага, почитают духов предков. Некоторые группы старых баргутов вплоть до 50-х гг. XX в. не отказывались от своей шаманской веры, несмотря на распространение в регионе буддизма. В летнее время в каждом урtone и племени устраивался наадом (игры, праздник) по случаю жертвоприношения духам обона (святилища, где, как считается, обитает самый сильный дух местности), на котором проводились три игрища мужей — конные скачки, состязания борцов и соревнования в стрельбе из лука.

В книге Галзут Тубшинимы мы находим сведения о шаманизме баргутов и об их постепенном переходе к буддизму. Отмечается, что буряты и новые баргуты после XVII в. под влиянием халха-монголов отказались от шаманской веры и приняли буддизм. «Особенность ламаизма у новых баргутов — проведение ламами торжественных обрядов жертвоприношений на обонах. Случались годы, когда к горе Богдо-уула собирался весь Хулунбуир, и сам амбань собственной персоной приезжал поклониться. Исконное название Богдо-уула — Дулаан-хара, затем при совершении жертвоприношений ее стали называть Баян Мункэ Ехэ-уула» [Тубшинима 2008: 171–176]. На сегодня культовое место Богдо-уула почитается всеми группами старых и новых баргутов АРВМ КНР, а также баргутским населением Восточной Монголии (сомоны Гурбан Загал, Хулунбуир).

Гораздо позже религиозная составляющая Барги получает и другие аспекты в контексте взаимоотношений и противостояния с соседними странами. Так, в

начале XX в. японцы предпринимали активные попытки сотрудничества с Тибетом. Е. И. Кычанов и Б. Н. Мельниченко упоминают в своей работе о шпионаже бывшего японского настоятеля токийского монастыря Дзёхякурукан Экай Кавагучи, который славился своими познаниями в философии буддизма и медицине, успешно сотрудничал с лхасской элитой. В этот период с Далай-ламой XIII встречались представители японского общества, в том числе монах Сонью Отани (встречался в 1908 г. в горах Утайшаня), японский посланник в Китае Гэнсукэ Хаяси, японский военный атташе генерал Ясунаси Фукусима (встреча в 1908 г. в Пекине), монах Бунко Аоки (в 1911 г. встретился с Далай-ламой и затем прожил год в Тибете), японец Ясухиро Ядзима (работал телохранителем Далай-ламы и военным инструктором) и другие. Как отмечают ученые, на встречах японцев с Далай-ламой обсуждались разные вопросы, в том числе международные проблемы, военный инструктаж, а также издание книг и осуществление переводов буддийских сутр [Кычанов, Мельниченко 2005: 137]. Эти факты являются свидетельствами усиления Японии в начале XX в. и первых контактов между Тибетом и японцами. Все это способствовало появлению определенных симпатий к Японии у Далай-ламы и части тибетской элиты. По существу, это была некая стратегия единоверцев как с той, так и другой стороны, позволяющая в некотором смысле придержать натиск китайцев на Тибет.

Монгольские народы Маньчжурии исторически имели тесные духовные связи с Тибетом, в частности с Далай-ламой XIII Тхуптэн Гьяцо (монг. *Тувдэн-жамц*). Это время отмечено борьбой России, Англии и Японии за сферы влияния в регионе Центральной и Восточной Азии. Монгольские народы осуществляли попытки признания и самостоятельного выхода на международную арену. В это же время имел силу договор о взаимном признании между Внешней Монголией и Тибетом 1913 г., который способствовал становлению суверенитета обеих стран [Батбаяр 2023: 148].

В XXI в. уже Далай-лама XIV также играет особую роль в процессе возвращения тибетского суверенитета и взаимодействия с иностранными государствами. Китай при этом активно противодействует данной политике Далай-ламы XIV и всячески пытается помешать к любым визитам в буддийские страны [Аюшеева 2017: 46–49].

Что касается этнографических и религиозных аспектов, хотелось бы отметить активное участие представителя российской миссии в Китае в национальных религиозных праздниках. Так, в письме представителя миссии господина Козлова № 314 от 29 апреля 1899 г. говорится о том, что «в конце июля и августа сего года в Урге имеет быть народный праздник „Наадан — Долоон хушуунай“, на который соберется исключительно большой в этот раз круг ханов, князей и ламства. Встречая затруднение при настоящей дороговизне здесь сделать на получаемые мною средства необходимые и приличные для Русского представителя приемы во время съезда и празднеств князьям и влиятельным ламам, обыкновенно посещающим меня, и отвечать на их подарки и прочие присылаемые по обычаю Монголии, прошу о вашем разрешении мне произвести расходы до 1 200 рублей с соотношением его на чрезвычайные издержки» [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 861. Л. 1].

К сожалению, в рассмотренных нами архивных материалах мало сведений по этнографической, в том числе религиозной, тематике именно по Барге.

Имеются отрывистые сведения о местностях, граничащих с данным регионом. Например, отмечается, что на севере хошуна Бинту-вана монголы знакомы с хлебопашеством, но не имеют возможности заниматься последним, так как очень много песков, но несмотря на все это монголы сеют немного хлебных злаков и арбузы. Что касается остальных монголов, проживающих в северной части хошуна, то большая часть из них придерживается старинного образа жизни, по-прежнему занимаются скотоводством. В северной части имеется 7 300 голов рогатого скота, 5 300 голов лошадей и более 15 400 голов барана [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 861. Л. 39].

Хорошо описана религиозная жизнь в соседствующих областях и местностях, к примеру, в хошуне Бо-вана. Так, больших кумирен в этом хошуне насчитывалось 31, при чем 27 из них состояли в известной в Лифань-бу, остальные были частными. Самая большая кумирня под названием Шонхор-мяо находилась в 70 ли на север от ставки князя. В источнике говорится:

Самыми богатыми в хошуне считаются Шонхор-мяо и Гуанфусы-мяо <...> годового дохода не хватает на содержание лам, поэтому ламы тратят свои деньги. Иногда монголы приглашают к себе в дома лам для совершения богослужений по каким-либо важным случаям, и за все это дают ламам деньги и скот, а иногда жертвуют земельные участки. Монголы очень мало заботятся о своем благополучии в доме и большую часть своих денег тратят на содержание кумирен <...> Монголы хошууна Бо-вана исповедуют ламайскую религию и больше никаких религий не признают и принимать не желают, благодаря последнему в хошууне очень трудно проповедовать каким-либо иностранным миссионерам <...> Имеют годовые доходы — Мо рүй -сумэ 30 000 лан серебра, а самые богатые до 150 000–160 000 лан серебра <...> монголы три раза в день собираются в кумирню, затем лам приглашают простые монголы для совершения богослужений. Если молебен заказывает зажиточный монгол, то в кумирню собираются ламы в числе от 1 000 и 2 000 лам, и эти ламы получают от того лица, который заказывал молебен, несколько даней рису, 2 быка, более 10 баран, и все это съедают в один день. Кроме этого, получают 2 лошади и 100 кусков холста <...> в 200 ли на северо-запад от ставки князя Дархан-вана монголы живут в юртах, причем ведут кочевой образ жизни и кочуют в такие места, где есть возможность прокормить скот <...> Большая часть монгол хошуна Сэгуна не верят в медицину, а потому приглашают часто лам к себе домой для совершения богослужений, чтобы больной получил исцеление. Если монгол умрет, то они также просят лам для совершения обряда погребения и для указания места, где бы можно было похоронить труп умершего <...> Так как кумирни пользуются частью доходов, получаемых за аренду земель, то для многих монгол кажется заманчивым и приятным сделаться ламой, чтобы обеспечить себя в материальном положении. Многие отправляют сыновей в ламы; если 3 сына, то 2 из них обязательно должны быть ламами <...> Жители местности Солон считаются хорошими наездниками и стрелками, как мужчины, так и женщины. Они живут в пещерах и ведут слишком суровый образ жизни <...> особенно много монголов и лам собирается 28 числа 4 луны, приезжают мужчины, женщины, дети. Богослужение продолжается в течение трех дней. После этого, монголы устраивают праздник, т. е. борьбу, бега на лошадях, и за это дают призы. Во время этого празднества ламы делают сбор денег и разных вещей, и после окончания все это делят меж собою. Если умирает монгол, то после его погребения оставшиеся вещи также отдают в кумирню и это считается также доходом последней [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 861. Л. 39, 45, 47, 54, 60–62, 73, 74, 85].

В архивных материалах сохранились материалы статьи Д. М. Позднеева «Моление монголов „Белому царю“» (опубликована в журнале «Новое время» от 23 декабря 1911 г.), в них излагается заключение о том, что монголы пришли к независимости, и это может быть связано с верою в Русского правителя, как благодетельного покровителя Цагаан Дара Эхэ [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 861. Л. 113]. В статье также указывалось и о мольбах кочевников, стремящихся уйти от китайского ига, о суверенитете страны, поддержанного Россией. С этим утверждением можно сопоставить материалы письма, в котором князь Восточной Монголии Чжеримского сейма Хорчинского аймака Удай писал о получении благословений от Далай-ламы в Утайшане¹, якобы буддийский иерарх указал придерживаться маньчжурского дома и держаться соседа России, дружественного к монголам [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 861. Л. 286].

В работе Б. Балдана имеется описание истории буддийского монастыря Гандан-Самдалин, построенного в местности Баян-Цагаан Восточного Новобаргутского хошуна, и главного почитаемого объекта статуи Махакалы². Упоминается, что баргуты поклоняются таким горам, как Баргын богд уул, Баян цагаан, Дааган дэл [Балдан 2016: 31].

Таким образом, культ поклонения обо и связанные с ними празднества имели место в общественной и даже в политической жизни, в празднествах участвовали представители высших органов власти в Барге.

7. Заключение

Учитывая многолетние баргутские противостояния на северо-востоке Китая в начале XX в. (с 1900 по 1921 гг.) и этнические процессы в Барге, отметим, что не только баргуты, но и все этнические меньшинства претерпевали постоянные потрясения, что впоследствии получило отражение в многовекторных миграционных процессах и этнокультурной ассимиляции. В этой связи появляются сложности в выявлении этнической и культурной идентичности баргутских племен не только на территории компактного проживания (Китай, Монголия³), но и далеко за границами Центральной Азии.

Исторически Барга (Хулунбуир) была местом проживания и центром притяжения многих монголоязычных народов. На протяжении долгого времени Барга, обладая богатыми природными ресурсами и занимая выгодное геополитическое положение, являлась ареной жесткого военного и политического противостояния ведущих государств России, Японии, Китая. Свою этнорелигиозную политику в отношении Барги проводила также и Внешняя Монголия во главе с ее духовным иерархом Богдо-гэгэном VIII Джебцзун-Дамбой-хутухтой. После Синьхайской революции 1911 г. и распада Цинской империи у многих народов,

¹ В изданной ранее работе мы упоминали о поездках баргутов в Утайшань для религиозного поклонения и паломничества [Гомбоев 2020: 385–404]. Святыни Утайшаня являлись и до сих пор являются вторым после Лхасы религиозным и паломническим центром буддистов [ПМА: Инф. 3].

² Согласно нашим полевым исследованиям, на сегодня статуя Махакалы находится на территории главного монастыря Монголии — Гандантэкчэлин (в одном старых буддийских сооружений (дуганов)).

³ Согласно полевым материалам, баргуты — жители поселений Гурбан загал и Хулунбуир в Восточной Монголии — в основном говорят о переселении с долины р. Оршун (Барга, северо-восток КНР) в 1916 и 1946 гг. [ПМА: Инф. 2; ПМА: Инф. 4].

в том числе баргутов, появился исторический шанс на обретение независимости и вхождение в единое Монгольское государство. Революционные события, всколыхнувшие мир, процессы «пробуждение Азии», духовная и религиозная близость монголоязычных народов, волею судьбы оказавшихся разделенными между различными политическими образованиями, способствовали консолидации усилий в борьбе за достижение независимости. Вместе с тем, не имея достаточных сил и средств, баргуты искали различные пути реализации своих целей. Баргуты на протяжении длительного времени искали поддержку и обращались за помощью к разным государствам и политическим силам (царская Россия, Внешняя Монголия, советская Россия, МНР, Коминтерн, Япония, Китай и т. д.). Но не всегда эти действия находили поддержку и приносили успех. В результате восстания 1912 г. Барга провозгласила независимость и обратилась за поддержкой Внешней Монголии. Соперничество ведущих мировых держав на Дальнем Востоке и в Азии не позволило реализовать давнюю идею представителей монголоязычных народов о создании единого Монгольского государства. Но надо сказать, что панмонгольские идеи использовались в своих целях политическими акторами в разных геополитических конструкциях и не раз становились инструментом борьбы за сферы влияния в регионе, о чем свидетельствуют архивные материалы. Как уже показала история, судьбы малых народов становились предметом различных дипломатических интриг и разменной монетой в «большой игре» ведущих государств. Использование архивных материалов из АВПРИ относительно конкретной этнической группы баргутов северо-востока Китая и в определенный исторический период (1900–1921 гг.) позволило глубже рассмотреть социально-политическую ситуацию в регионе, роль и специфику влияния иностранных держав, выявить причину миграционных процессов баргутов, при которых многие представители указанной группы оказались далеко от своей этнической территории.

Полевые материалы Б. Ц. Гомбоева (ПМА)

ПМА: Инф. 1 — Информант Тогтохийн Толто, 75 лет, бурят, г. Хайлар, Хулунбуирский аймак, КНР. Запись 2010 г.

ПМА: Инф. 2 — Информант Дугарсүрэн Доржбаатар, 52 года, баргут, сомон Гурбан Загал, Дорнодский аймак, Восточная Монголия. Запись 2019 г.

ПМА: Инф. 3 — Информант Цэрэндэлгэр, 60 лет, монгол, г. Хух-Хото, АРВМ КНР. Запись 2019 г.

ПМА: Инф. 4 — Информант Амраа, 51 год, баргут, Хулунбуир сом, Дорнодский аймак, Восточная Монголия. Запись 2023 г.

B. Gomboev's Field Data

Informant Togtohiin Tolto, 75 years old, Buryat, Khaylar, Hulunbuir aimag, China. Record of 2010.

Informant Dugarsuren Dorzhbaatar, 52 years old, bargut, somon Gurban Zagal, Dornod Aimag, Eastern Mongolia. Record of 2019.

Informant Tserendelger, 60 years old, ethnic Mongolian, Rec. in Hohhot, Inner Mongolia Autonomous Region, PRC, 2019.

Informant Amraa, 51 years old, bargut, Hulunbuir som, Dornod Aimag, Eastern Mongolia. Record of 2023.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.

Sources

Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire.

Литература

- Автономный район 1980 — Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики / под общ. ред. Б. Ширендыба, М. И. Сладковского. М.: Наука, 1980. 158 с.
- Аюшеева 2017 — *Аюшеева И. Г.* Религиозный фактор в современных международных отношениях (на примере визита Далай-ламы XIV в Монголию) // Монгол суудлалын чуулган. 2017. № 22(57). С. 46–49.
- Балдан 2016 — *Балдан Б.* Исторический обзор происхождения баргутов // Баргуты: история и современность: сб. науч. ст. / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2016. 210 с.
- Баргуты 2016 — Баргуты: история и современность: сб. науч. ст. / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2016. 210 с.
- Баргуты 2021 — Баргуты Китая / отв. ред. Л. С. Дампилова. Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 2021. 280 с.
- Батбаяр 2023 — *Батбаяр Ц.* XIII Далай лам Тувдэнжамц ба монгол. Улаанбаатар: Соембо Принтинг, 2023. 235 с.
- Батунаев, Гомбоев 2021 — *Батунаев Э. В., Гомбоев Б. Ц.* Рождение монгольской революции 1921 г.: историография проблемы // Вопросы истории. 2021. № 12 (4). С. 277–287.
- Белов 1999 — *Белов Е. А.* Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. 238 с.
- Гольман 2014 — *Гольман М. И.* Избранные доклады и статьи. Улан-Батор: Соембо Принтинг, 2014. 322 с.
- Гомбоев 2020 — *Гомбоев Б. Ц.* Святыни Утайшаня как объект изучения буддийского наследия // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 2. С. 385–404.
- Зориктуев 2011 — *Зориктуев Б. Р.* Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Вост. лит., 2011. 277 с.
- Кузьмин 2021 — *Кузьмин С. Л.* Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной Азии (первая половина XX века). Т. 1. М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2021. 407 с.
- Кузьмин 2022 — *Кузьмин С. Л.* Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной Азии (первая половина XX века). Т. 2. М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2022. 260 с.
- Кычанов, Мельниченко 2005 — *Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005. 351 с.
- Мягмарсамбуу 2018 — *Мягмарсамбуу Г.* Баргын түүхэн товчоон (1734–1960 он). (= Краткая история баргутов. Первый том). Тэргүүн боть. Улаанбаатар: Соембо Принтинг ХХХ-д хэвлэв, 2018. 335 с.
- Тубшинима 2008 — *Тубшинима Г.* Bargucud-un teuken irelte. История происхождения баргутов (транслитерация, перевод, примечания) / введ. ст. и прим. Д. Д. Нимаева, Л. Б. Бадмаевой; транслит., пер. со старомонг. Л. Б. Бадмаевой, Ю. Д. Бадмаевой. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2008. 188 с.
- Хамфри 2010 — *Хамфри К.* Постсоветские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки) (= Post-Soviet Transformations in Asiatic Russia. Anthropological Sketches) / предисл. Б. Базарова, пер. с англ. А. Космарский, Н. Космарская, науч. ред. пер. Н. Космарской. М.: Наталис, 2010. 384 с.
- Цыбенков 2022 — *Цыбенков Б. Д.* Социально-политическая история дауров (XX в.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2022. 474 с.
- Shirokogorov 1935 — *Shirokogorov S. M.* Psychomental Complex of the Tungus. London. Kegan Paul, Trench, Trubner and Co, Ltd. 1935. 469 p.
- Janhunen 1996 — *Janhunen J.* Manhcuria an Ethnic History // Memories de la Society Finno-Ougrienne. Vol. 222. Helsinki: The Finno-Ugrian Society, 1996. 335 p.
- Lattimore 1962 — *Lattimore O.* Studies in Frontier History: Collected Papers 1928–1958. London: Oxford University Press, 1962. 565 p.
- Atwood 2004 — *Atwood Ch. P.* Encyclopedia of Mongolian and the Mongol Empire. New York: FactsOnFile, 2004. 678 p.

References

- Atwood Ch. P. Encyclopedia of Mongolian and the Mongol Empire. Facts on File, 2004. 678 p. (In Eng.)
- Autonomous Region Inner Mongolia Autonomous Region of the People's Republic of China. B. Shirendyb, M. I. Sladkovskiy (eds.). Moscow: Nauka, 1980. 158 p. (In Russ.)
- Ayusheeva I. G. Religious Factor in Modern International Relations (using the example of the visit of the Dalai Lama XIV to Mongolia). *Mongolian Studies*. No. 22 (57). Erhalsen S. Hovsgol. Ulaanbaatar, 2017. Pp. 46–49. (In Russ.)
- Baldan B. Origins of Barghuts: A historical review. In: Bazarov B. V. (ed.) The Barghuts: Past and Present. Collected scholarly papers. Irkutsk: Ottisk, 2016. Pp. 31–40. (In Russ.)
- Barguts: History and Modernity. B. Bazarov (ed.). Irkutsk: Ottisk, 2016. 210 p. (In Russ.)
- Barguts of China. L. Dampilova (ed.). Ulan-Ude: Banzarov Buryat State University, 2021. 280 p. (In Russ.)
- Batbayar Ts. XIII Dalai Lama Tuvdenjamts and Mongols. Ulaanbaatar: Soembo Printing XXK-d, 2023. 235 p. (In Mong.)
- Batunaev E. V., Gomboev B. Ts. Birth of the Mongol Revolution of 1921: Historiography of the Problem. *Voprosy Istorii*. No. 12 (4). 2021. Pp. 277–287. (In Russ.)
- Belov E.A. Russia and Mongolia (1911–1919). Moscow: Institute of Oriental Studies, 1999. 238 p. (In Russ.)
- Gol'man M. I. Selected Reports and Articles. Ulaanbaatar: Soembo Printing XXK-d, 2014. 322 p. (In Russ.)
- Gomboev B. C. Utaishan Shrines as a Site of Buddhist Heritage Study. *Oriental Studies*. 2020. 13(2). Pp. 385–404. (In Russ.)
- Humphrey K. Post-Soviet Transformations in Asiatic Russia. Anthropological Sketches. Caroline Humphrey; preface. B. Bazarov (trans.). Sangl. A. Kosmarsky and N. Kosmarsky. (eds.). Moscow: Natalis, 2010. 384 p. (In Russ.)
- Janhunen J. Manchu and Ethnic History. *Memoirs de la Société Finno-Ougrienne*. Helsinki: The Finno-Ugrian Society, 1996. Vol. 222. 335 p. (In Eng.)
- Kuzmin S. L. Barginsky and Kharachinsky Issues in the History of East Asia. the First Half of the 20th century). Vol. 1. M.: Partnership of Scientific Publications KMK, 2021. 407 p. (In Russ.)
- Kuzmin S. L. Barginsky and Kharachinsky Issues in the History of East Asia (the first half of the 20th century). Vol. 2. M.: Partnership of Scientific Publications KMK, 2022. 260 p. (In Russ.)
- Kychanov E. I., Melnichenko B. N. History of Tibet from Ancient Times to the Present Day. E. Kychanov, B. Melnichenko (eds.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. 351 p. (In Russ.)
- Myagmarsambuu G. A. Brief history of barga (1734–1960) (A brief history of the Barguts. The first volume) Part 1. Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2018. Pp. 58–59 (In Mong.)
- Owen Lattimore Studies in Frontier History; Collected Papers 1928–1958. By Owen Lattimore. London: Oxford University Press, 1962. 565 p. (In Eng.)
- Shirokogorov S. M. Psychomental Complex of the Tungus. London. Kegan Paul, Trench, Trubner and Co, Ltd. 1935. 469 p. (In Engl.)
- Tubshinima Galzut History of Origin of Barguts (transliteration, translation, notes). D. Ni-maeva, L. Badmaeva. (eds.). Ulan-Ude: Publishing House of the BNC SB of the RAS, 2008. 188 p. (In Russ.)
- Tsybenov B. D. Daurs in the Twentieth Century: A Sociopolitical History. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2022. 474 p. (In Russ.)
- Zoriktuev B. R. Actual Problems of the Ethnic History of the Mongols and Buryats. M.: Vostochnaya Literatura, 2011. 277 p. (In Russ.)